

ВЕНГРИЯ — ОДИН из последних островков независимости в захваченной глобалистами Европе. Её лидер Виктор Орбан пользуется беспрецедентной популярностью у венгров.

В середине августа 2025 года премьер-министр Венгрии сделал несколько знаковых заявлений, которые можно трактовать как манифест борьбы наций Европы с надвигающейся диктатурой Брюсселя. Журналистка задаёт вопрос Орбану:

— Евросоюз отчасти разочарован вами, потому что ждал от вас поддержки и не получил её.

— Давайте для начала определимся с тем, что такое Европейский союз и что такое Брюссель. Это они должны служить нам, а не мы им. Европейский союз — это не Брюссель и набор его учреждений. Европейский союз — это страны, которые входят в его состав. Суверенные государства. А штаб-квартира в Брюсселе должна выполнять роль просто сервисного центра, который открыт к услугам стран, входящих в альянс, именуемый Евросоюзом. И глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен — это обычный бюрократ, который находится у меня на зарплате. Прошу прощения за прямоту, но это факт. А то, что она пытается строить из себя босса всей Венгрии, для нас неприемлемо. Мы — суверенная страна. И вы правы, им в Брюсселе, такое положение дел не нравится.

Осознавая риски, исходящие от структур Джорджа Сороса (структуры Сороса нежелательны в РФ. —

Виктор Орбан в недрах Европарламента

ОРБАН ПРОТИВ ЕС

За Европу Отечества!

Ред.), Орбан системно вытеснил их влияние из правительства и с территории всей страны.

Осуществил финансовую реформу, приняв закон о Национальном банке Венгрии. Фактически, провёл его национализацию, в результате которой Международный валютный фонд полностью утратил своё влияние в Венгрии.

Разогнал и запретил НКО, созданные "мировым правительством" для контроля над территориями.

В период миграционного кризиса, когда Еврокомиссия распределила на каждую страну ЕС обязательные квоты по расселению беженцев, правительство Орбана заняло бескомпромиссную позицию.

Тогда инициированный властями Венгрии референдум показал, что большинство избирателей поддерживают премьера, который обратился к странам Европы: "Брюссель хочет ослабить нас одного за другим". Орбан публично обвинил Сороса во вмешательстве во внутренние дела страны и в реализации

плана по массовой переброске мигрантов в Европу. Сорос стал персоной нон грата в Венгрии.

Тогда Орбан инициировал переработку Конституции Венгрии. В её основу были положены христианские ценности: страна провозгласила защиту жизни с момента зачатия, определила брак как союз мужчины и женщины и ввела налоговые льготы для многодетных семей. Это привело к удвоению числа браков и сокращению абортс вдвое.

Кроме того, высшее образование в Венгрии при Орбана стало бесплатным, а размер государственного долга был законодательно ограничен половиной ВВП.

Эти меры, направленные на укрепление национального суверенитета, вызвали резкую и негативную реакцию со стороны ЕС, увидевшего в них вызов глобалистскому проекту, предполагающему отказ от традиционной государственности и национально-культурных особенностей. Таким образом, Венгрия Орбана ещё много лет назад бросила открытый вызов повестке глобалистов.

СЕГОДНЯ СЛОВА ОРБАНА, заточенные против деятельности Сороса, обретают особую остроту: "Великие силы движутся к уничтожению народов Европы и объединению континента под эгидой глобальной империи. Сеть Сороса, которая сплелась через бюрократию Европы и её политическую элиту, в течение многих лет работала над тем, чтобы сделать Европу континентом иммигрантов. Сегодня сеть Сороса, которая продвигает глобальное "Открытое общество" (нежелательная в РФ НКО Сороса. — Ред.) и стремится упразднить национальные структуры, является самой большой угрозой, с которой сталкиваются государства Европейского союза. Цели сети очевидны: создание полиэтничных мультикультурных "открытых обществ" путём ускорения миграции и демонтажа национального процесса принятия решений, отдавая его в руки глобальной элиты".

И далее: "Сеть, возглавляемая Джорджем Соросом, теперь отбросила все сомнения, которые у неё могли быть по поводу открытого вмешательства. Он хочет оказать большее давление на национальные государства, чем когда-либо прежде. Он настраивает народы Европы друг против друга. Операционная система его сети представляет собой лабиринт и присутствует в различных сферах общественной жизни. На зарплате у Джорджа Сороса находится длинный список политиков, журналистов, судей, чиновников и политических агитаторов, маскирующихся под членов организаций гражданского общества. И хотя миллиардер обвиняет всех своих врагов в коррупции, он сам является самым коррумпиро-

ванным человеком в мире. Он платит и покупает всех, кого может, а те, кого он не может подкупить, будут оклеветаны, унижены, запуганы и уничтожены сетью с помощью её грозного оружия — батальонов левых СМШ".

Орбан, по сути, использует эвфемизм, называя колоссальную систему глобалистов "сетью Сороса".

"Многие высокопоставленные бюрократы ЕС работают с сетью Сороса, чтобы создать единую империю. Они хотят построить институциональную систему, которая под эгидой "Открытого общества" стремится навязать единый образ мышления, единую культуру и единую социальную модель свободным и независимым народам Европы. Они стремятся отменить право каждого народа решать свою собственную судьбу. Это также является целью их предположения о "верховенстве права", которое фактически признаёт не верховенство права, а силу".

В своём послании Орбан подчёркивает антихристианский характер проекта ЕС и его бенефициаров.

"Различия между нами очевидны. Сорос хочет "Открытого общества", а мы хотим безопасного общества. По его мнению, демократия может быть только либеральной, в то время как мы думаем, что она может быть христианской. По его словам, свобода может служить только самореализации, в то время как мы верим, что свобода также может быть использована для того, чтобы следовать учению Христа, служить своей стране и защищать свои семьи. Основной христианской свободы является свобода выбора. Теперь она находится под угрозой".

Орбан видит впереди схватку национальных сил Европы с химерой Евросоюза.

"Исход битвы с новой брюссельской империей ещё не предreshён".

Орбан завершает свою филиппику предупреждением:

"Если мы хотим сохранить нашу свободу, Европа не должна поддаваться сети Сороса".

ОСТРОТА НЫНЕШНЕГО исторического и политического момента заключена в разгорающемся конфликте на Европейском континенте. С одной стороны — политики и партии, стремящиеся к восстановлению национального суверенитета своих государств, с другой — мощнейший транснациональный синдикат, представленный структурами ЕС, желающий узурпировать всю власть в Европе и вести вечную войну с Россией.

К сожалению, наша страна до сих пор не вышла из Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве с Евросоюзом, подписанного в 1994 году. Хотя, учитывая положение, сложившееся на фронтах политическом, военном и дипломатическом, самое время разорвать отношения с этой преступной глобалистской структурой, признав её террористической организацией со всеми вытекающими из этого юридическими и ментальными последствиями. России нужна Европа Отечества, а не транснациональная свалка, управляемая международным отребьем. Еврокарфаген должен быть разрушен!

Алексей ГОНЧАРОВ

Ожесточённые тарифные войны Дональда Трампа, регулирование криптовалют и создание криптовалютного резерва в США подталкивают страны БРИКС к стремительной финансовой интеграции. Как сформировать новую финансовую архитектуру без стран "Группы семи"? Можно ли полностью отказаться от доллара США в международных расчётах? Нужна ли фиатная валюта БРИКС? Все эти вопросы требуют серьёзных обсуждений, в том числе — публичной дискуссии. Предлагаем вниманию читателей перевод фрагмента интервью профессора экономики Уилламеттского университета (США) ЯНЬ Лян основателю портала "Нейтралити стадис" Паскалю ЛОТТАЗУ.

— Профессор, давайте поговорим о теме, над которой вы очень много работаете, а именно о связи между современной денежной теорией (СДТ) и развивающимися экономикой — можно их называть странами Глобального Юга. Это выражение мне кажется более уместным, потому что многие страны вне "Группы семи" уже давно перестали быть развивающимися. Если рассуждать о Малайзии или Индонезии, в которых есть сектора, переживающие бум и фантастическое развитие, — они просто работают немного иначе, чем западные страны. Что говорят ваши исследования о том, как надлежит разрабатывать грамотные экономические стратегии, чтобы страны Глобального Юга действительно полностью реализовали свой потенциал?

— С точки зрения современной денежной теории подлинные и прогрессивные стратегии развития должны работать на трёх разных уровнях. Во-первых — на национальном (локальном). Думаю, правительства этих стран должны понимать последствия своего политического выбора. Например, если они хотят зафиксировать обменные курсы, брать кредиты в иностранной валюте, это может поставить их в очень уязвимое положение. Поэтому лучше постараться мобилизовать как можно больше внутренних ресурсов. Когда речь идёт о странах, участвующих в проектах инициативы Китая "Один пояс, один путь", я часто привожу пример Кении, которая использует заёмные китайские деньги для инвестиций в свои железные дороги. И в то же время они утверждают, что 60% используемых материалов — местные. Возникает вопрос: если вы можете использовать внутреннюю валюту, мобилизовать внутренние ресурсы, то зачем нужны внешние займы? Тем более в долларах, которые вы не контролируете. Поэтому я считаю, что развивающимся странам (или странам Глобального Юга) очень важно понять, что нужно мобилизовать собственные ресурсы. Они должны действительно стратегически инвестировать в свою энергетику, в своё продовольствие, в технологический сектор, в человеческий капитал — я не люблю этот термин, но его часто употребляют. Необходимо понимать, что финансирование развития должно идти в первую очередь изнутри — на национальном, локальном уровне.

Второй уровень — региональный. На этом уровне очень важно, чтобы страны Глобального Юга развивали сотрудничество, консолидацию, солидарность и взаимодействие. Поэтому что они действительно богаты ресурсами. Если взять страны "Группы семи", многие из них имеют очень скудную ресурсную базу, как, например, Япония. Трудность в том, что у одних стран есть определённые ресурсы, а у других нет. Поэтому региональным экономикам очень важно работать вместе. Они создают банки развития, торговые, инвестиционные системы, которые действительно могут им использовать свои сильные стороны и помогать друг другу. Говоря о региональном сотрудничестве, я имею в виду не только географическое. Это может быть такие объединения, как БРИКС. Они богаты энергоресурсами, у них много

взаимодополняющих факторов в торговле. Они могут работать вместе, чтобы продвигать общие интересы.

И третий уровень — международный. Здесь я решительно выступаю за реформу международной финансовой архитектуры. Пост-Бреттон-Вудская система, МВФ, Всемирный банк, на мой взгляд, действительно устарели — им более 80 лет. Они служили интересам западных стран, но сейчас стали абсолютно неэффективными. Думаю, что это было сделано намеренно, чтобы не финансировать развитие и не обеспечивать по-настоящему надёжную международную сеть финансовой безопасности. Поэтому я считаю, что эту систему необходимо перестроить. Конечно, это крайне амбициозная задача. Но, безусловно, это нужно сделать, чтобы мы действительно могли говорить об устойчивом развитии и справляться со всеми проблемами, с

бабве или Аргентине, то им будет очень трудно найти покупателей их валюты и совершить обмен. Думаю, что по этой причине в некоторых случаях развивающиеся страны испытывают реальные трудности. Существует много заблуждений, связанных с идеей: "Если взять заём в иностранной валюте, это будет дешевле, потому что придётся платить более низкие процентные ставки". Финансисты не задумываются о том, что если они платят процентную ставку в собственной валюте, то они могут в буквальном смысле заплатить любую процентную ставку. Когда нет ограничений по выпуску собственной валюты, то нет и проблем с платёжеспособностью. Ограничением, конечно, является инфляция, но собственная валюта ведь не может закончиться, верно? Именно об этом я и говорю. Согласно приведённому выше заблуждению: многие развивающиеся страны думают, что если они возьмут заём в иностранной валюте, то это будет дешевле, процентная ставка будет ниже, что это менее затратно, поэтому лучше поступать именно так. Это крайне неверные выводы. Занимая в иностранной валюте, государство сталкивается с гораздо более серьёзными рисками, чем просто процентные расходы, которые отражаются в отчётности.

национальную. Этого категорически не следует делать — посмотрите, что происходит в Европейском Союзе. Урок евро должен быть хорошо усвоен. Но мы могли бы иметь общую клиринговую единицу для стран, чтобы проводить расчёты по их торговле и инвестиционным операциям. И ей не нужно быть чем-то обеспеченной. Мы говорим о фиатных деньгах. Это единица учёта. Думаю, что существует множество заблуждений относительно валюты БРИКС, и их нужно развеять. Я считаю, что БРИКС действительно хорошо продвигается в развитии проекта НБР (Новый банк развития). Мы хотим увеличить долю займостований в национальных валютах до 30%. И это шаг в правильном направлении.

— Меня очень интересуют вопросы инфраструктуры БРИКС. Как это будет работать? Существовал период при создании евро, когда он был просто расчётной единицей, но ещё не стал физическими фиатными деньгами. Он просто использовался на бирже. Является ли та общая расчётная единица разновидностью этой? Как это работает, когда у нас есть инструмент, с помощью которого можно просто считать долги в разных экономиках? При этом отдельные экономики всё равно продолжат работать в своих собственных валютах, потому что будут возникать колебания и изменения обменного курса к общей единице, верно? В каком смысле это будет улучшением, а не усложнением?

— Новая расчётная единица будет задействована лишь для клиринга, т. е. проведения расчётов по торговому и инвестиционному балансу. Это происходит между центральными банками стран. Таким образом, она не будет интегрирована во внутреннюю экономику. В системе клиринговых единиц нет конвертации по обменным курсам. Например, если я покупаю у вас, или вы продаёте мне, — мы совершаем обмен, используя эту общую единицу для платежей по нашей сделке. Да, стоимость вашей валюты по отношению к этой единице будет отличаться от стоимости моей. Но когда мы проводим расчёты между собой, мы используем эту общую валюту, и она не связана с нашей внутренней валютой. Таким образом, наши обменные курсы будут различаться, но это никак не повлияет на нашу собственную экономику. Всё, чем мы обмениваемся, — это общая единица расчётов. Есть ещё один важный вопрос, затрагивающий уровни, которые сложнее, чем просто использование этой общей валюты для деноминации и погашения долга или кредита. Это более фундаментальный вопрос: как мы создадим систему, которая не позволит стране накапливать эту клиринговую единицу — ISU? Я думаю, что скорее в этом проблема. Почему? Потому что в нынешней системе у нас есть страны, которые очень хотят всегда иметь чистый профицит. Так они могут получать валюту и наращивать резервы. И это создаёт классический эффект "разори соседа", что может вызвать дефляционный дефицит спроса для всех. Поэтому какую бы валюту мы ни использовали, мы должны убедиться, что страны не пытаются намеренно накапливать общую валюту и наживаться на спросе соседей. И это действительно ключевой момент. Одна из трудностей БРИКС — Китай как крупнейший нетто-экспортёр. Если у Китая будет торговый профицит и страны не смогут получить юань, то как они рассчитаются? Они не смогут этого сделать. Поэтому я думаю, что на самом деле системе нужны не технические решения. Дело не в колебаниях курса валют и не в том, какую именно валюту

мы используем для клиринга. Важно выстроить механизм, который не будет поощрять накопление единиц одной страной, грозящее разрушением всей системы.

— Аналогичную проблему мы обсуждали ранее. Если вы являетесь нетто-экспортёром, то в итоге у вас будет больше наличных денег, и даже ISU приведёт к тем же фундаментальным выводам. Так что вам нужен механизм фискальных трансфертов, который, как мне кажется, ни одна страна не захочет сделать, потому что, если у меня много этих ISU, то это моё богатство, тогда я могу покупать за границей, и все должны делать то, что я говорю. То есть это просто выгодно для меня.

— Совершенно верно. Если кто-то начинает накапливать эту валюту, то фискальная интеграция, фискальный трансферт становятся неизбежными. Поэтому должны быть правила и меры, которые предотвратят это в первую очередь. Так, например, Кейнс предложил наказывать страны, которые накапливают эти единицы. Если они не тратят, не используют их для импорта из других стран, то эти единицы могут быть конфискованы, или им придётся платить большие проценты.

— Здесь возникает проблема: кем конфискованы? Если это распределённая система без центрального органа с суверенными правами, то кто будет это делать?

— Вот почему страны должны договориться об этом. Да, верно. Это не совсем фискальный трансферт как таковой, но что-то вроде "мы дадим вам определённое время, чтобы вы могли использовать свои клиринговые единицы, а вы должны потратить их для импорта из других стран или для инвестиций".

— Есть ли какие-либо идеи по созданию того, что в прошлом предлагали несколько, кажется, австрийских, экономистов, а именно: предусмотреть механизм, при котором клиринговая единица со временем теряла бы в цене, что стимулировало бы её расходовать?

— Можете быть настолько креативными, насколько это возможно. Но суть в том, что это и есть ключ: как создать систему, в которой не будет стимула накапливать единицы, хранить их? Нужно сделать так, чтобы единицы каким-то образом использовались только для клиринга, а не для накопления. И вы абсолютно правы: нам действительно нужно задуматься об этих вопросах, а не о том, как нам создать эту платёжную систему, будет ли она цифровой, какая система обмена сообщениями нам нужна. Я не думаю, что это самые важные моменты. Важнее всего то, о чём должны договориться страны, и как нам спроектировать эту клиринговую систему так, чтобы не обречь её изначально на провал. Таких дискуссий, на мой взгляд, всё ещё недостаточно на данном этапе.

— Фундаментальные проблемы интеграции стран БРИКС всё ещё остаются теоретическими, а не практическими. Однако теория не меняется уже тысячи лет. Единственное, с чем мы соглашаемся уже около 3000 или более лет — это три функции денег: единица учёта, средство сбережения и средство обмена. Вы говорите, что нам нужно хотя бы немного разделить их, чтобы создать рабочую систему. И мы в этом пока не преуспели, никому не удалось это, даже в 2025 году. Паразитально, что мы до сих пор сталкиваемся всё с теми же проблемами.